

УДК 811.161.1'272+811.161.'42

ББК Ш141.12-006.21+Ш105.51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

А. Д. Васильев A. D. Vasiliev

Красноярск, Россия Krasnoyarsk, Russia

**ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ ПОТЕНЦИИ
ТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО
ВЫСТУПЛЕНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена возможностям интерпретации политического текста. Фактическим материалом послужило выступление В. В. Путина на заседании клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г.

Ключевые слова: идентичность; национальный; идея; идеология.

Сведения об авторе: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания.

Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

Контактная информация: 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
e-mail: vasileva@kspu.ru.

ГСНТИ 16.21.27

**THE INTERPRETATIVE POTENTIAL
OF THE TEXT
OF POLITICAL SPEECH**

Abstract. The article is devoted to the possibilities of interpretations of a political text. The factual material of the article is V. V. Putin's speech in the «Valdai» club 19.09.13.

Key words: identity; national; idea; ideology.

About the author: Vasiliev Aleksander Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V. P. Astafiev.

Полковник Аурелиано Буэндия представлял себе этих одетых в черное законников — как они выходят из президентского дворца, ... чтобы обсудить, что хотел в действительности сказать президент, когда сказал «да», или что он хотел сказать, когда сказал «нет», и даже погадать о том, что думал президент, когда сказал совершенно противоположное тому, что думал...

Г. Г. Маркес

В последнее время, судя по текстам средств массовой информации, в центре общественного внимания вновь, как это случалось уже неоднократно, оказалась проблематика, связанная с возможностью и даже необходимостью национальной идеи в России, а также ряд сопряженных вопросов. Они обсуждаются на разных уровнях социальной структуры. Вероятно, импульсами к дискуссиям подобного рода оказываются высказывания самых высоких российских государственных руководителей.

Специалистам хорошо известна значимость лингвистического анализа текста, причем далеко не только по отношению к художественному произведению, обладающему определенными особенностями употребления языковых средств (см. об этом, например: [Шанский 1984: 5; Бахтин 1986: 306; Лотман 1996: 222] и др.). Одной из важнейших при этом выступает проблема адекватного понимания адресатом высказываний адресанта — безразлично, устных или письменных. А для этого, конечно же, необходимо, чтобы аудиторией точно воспринималось значение буквально **каждого** обращенного к ней слова.

Однако далеко не всегда подобное имеет место в реальных коммуникативных ак-

тах, в том числе и тогда, когда общение происходит на одном и том же языке. Это отмечал еще А. А. Потебня: «Слово, взятое в целом, как совокупность внутренней формы и звука, есть прежде всего средство понимать говорящего, апперцептировать содержание его мысли... Что касается до самого субъективного содержания мысли говорящего и мысли понимающего, то эти содержания до такой степени различны, что хотя это различие обыкновенно замечается только при явных недоразумениях <...>, но легко может быть осознано при так называемом полном понимании. Мысли говорящего и понимающего сходятся между собою только в слове» [Потебня 1976а: 139—140], т. е. **формально** аутентичность звукобуквенного комплекса для обоих коммуникантов вовсе не является залогом абсолютно одинакового восприятия адресатом семантики слова, употребляемого адресантом. Оказывается, что, как ни парадоксально это звучит, «всякое, даже самое полное понимание есть в то же время непонимание. Человек не может выйти из круга своей личной мысли» [Потебня 1976б: 256].

В определенном смысле развитием этих идей можно считать перечень параметров, предлагаемых для оценки эффективности семиотических систем: «Для того, чтобы

© Васильев А. Д., 2014

достаточно сложное высказывание было воспринято с абсолютной идентичностью, нужны условия, в естественной ситуации практически недостижимые: для этого требуется, чтобы адресант и адресат пользовались полностью идентичными кодами, т. е. фактически, чтобы они в семиотическом отношении представляли как бы удвоенную одну и ту же личность, поскольку код включает не только определенный двумерный набор правил шифровки — дешифровки сообщения, но обладает многомерной иерархией» и т. д. [Лотман 1996: 13].

Вышесказанное, с учетом неизбежной социальной стратификации и вытекающей из нее дифференциации словоупотребления, вполне можно отнести и к языку политической коммуникации. Нередки примеры различных пониманий представителями разных слоев одних и тех же слов; ср.: «...общественный дискурс оперирует понятиями типа *толерантности*, истинность которых полагается очевидной... Когда же эти понятия конкретизируются в бытовом дискурсе, возникают сомнения: об одном и том же говорят народ и его элита?.. Прежде чем проводить Дни, Марши, Митинги *толерантности* и говорить об этом, до масс нужно донести, о чем им говорят и чем их хотят облагодетельствовать» [Суспицина 2007: 73]. Вот еще разумный вопрос, который можно считать риторическим: «Является ли сложившимся социальным субъектом нация „Россияне“, или она пока еще также идеологически конструируема, но объективно утопична (в смысле у — нет, топия — места), как в свое время „Советский народ“?» [Арапова 2007: 9] (подробнее об интенсивном внедрении в речекоммуникативный оборот, а следовательно и в сознание носителей языка слова *россиянин* и соответствующем вытеснении им слова *русский* см.: [Васильев 2013: 359—446]).

В данной статье в качестве исходного эмпирического материала привлекается прежде всего текст выступления В. В. Путина на заседании клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. [Заседанием международного дискуссионного клуба «Валдай»]. Следует оговориться, что, как известно, лингвистическим анализом публичных речевых (официальных или полуофициальных) актов российских президентов уже занимаются другие специалисты. Однако для нас эти акты интересны в том отношении, что содержат в своем составе некоторые лексемы, чрезвычайно популярные в современном российском официозном дискурсе. Конечно, трудно сказать со всей определенностью, кто именно является инициатором их вхождения в шир-

рокий речевой оборот: сами ли высокие руководители (и, весьма вероятно, не без участия своих спичрайтеров, т. е. штатных речеписцев), или разного рода политтехнологи и аналитики, или собственно деятели средств массовой информации и т. п. Но, наверное, это не принципиально важно: значимы сами факты частотности подобного публичного словоупотребления. Кроме того, можно предположить, что случаи использования таких лексем речедеятелями, занимающими высшие государственные посты, оказываются до некоторой степени эталонными для прочих носителей языка, особенно тех, которые принадлежат либо стремятся принадлежать к доминирующей страте социума и с этой целью имитируют вербальное поведение его реальных верхов — дабы оказаться с ними в одном семантико-стилистическом регистре.

Уже во вступительном слове С. Миронюк (представившийся как «модератор и соорганизатор Валдайского клуба») заявляет о состоявшемся 10 лет назад собрании этого сообщества, включавшего в себя «экспертов, политологов, журналистов», с целью «поговорить, как это ни странно, о новой российской идентичности». Оказывается, что и в рамках последнего по счету, юбилейного заседания участники «очень горячо обсуждали российскую идентичность, глобальные вызовы и проблему идентичности через призму этих глобальных вызовов». Однако сразу же возникает вопрос: а что именно, собственно, подразумевается под идентичностью? Если обратиться к данным словарей разных жанров, то обнаружим следующее: «*идентичный* [ср.-лат. *identicus*] — тождественный, одинаковый» [СИС 1979: 187]; «*идентичность* книжн. Свойство по значению прил. *идентичный*. Идентичность мнений», «*идентичный* книжн. Полностью совпадающий или точно соответствующий чему-л.; тождественный. Идентичный текст. Идентичный перевод» [МАС₂ 1981: 630]; «*идентичность* (от позднелат. *identicus* — тождественный, одинаковый) — тождественность, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь» [СЭС 1983: 475]; ср.: «*идентификационный* Δ Идентификационный номер налогоплательщика. Фин. **уникальный** код, присваиваемый являющемуся налогоплательщиком физическому или юридическому лицу для учета налогообложения» [ТССРЯ 2001: 293] (обратим внимание на компонент дефиниции *уникальный* — без какого-либо указания на известные по ранее изданным словарям «тождественность» или «совпадение»); ср. также: «*идентификация* книжн. Действие по знач. глаг. *идентифицировать...* — книжн. установить (устанавливать) полное совпаде-

ние, соответствие одного предмета, явления и т. д. другому» [МАС₂ 1981: 630] — и «идентификация — 1) признание тождественности, отождествление объектов, опознание, ... 3) в психологии и социологии процесс эмоционального и иного самоотождествления личности с др. человеком, группой, образцом» [СЭС 1983: 475].

Однако в другом языке тот же латинский корень дал несколько иные всходы: «*identify* — 1) устанавливать тождество; 2) опознавать, устанавливать личность; 3) отождествляться, солидаризироваться»; «*identity* — 1) тождественность, идентичность; 2) подлинность; 3) личность, индивидуальность» [Мюллер 1956: 303]; также: «*identify* — 1) say, show, prove, who or what a person or thing is; 2) *identify with* — treat (something) as identical (with another); *identity* — 1) state of being identical; exact likeness; 2) who a person is; what something is» [Horndby 1984: 306]. Очевидно, что в цитированном выше высказывании С. Миронюка значение слова *идентичность* весьма близко к некоторым из последних приведенных лексикографических дефиниций — впрочем, во все не характерных для его традиционной семантизации в словарях русского языка. Заметим попутно, что и словосочетание *глобальные вызовы* явно имеет американо-английское происхождение (ср. *global challenges*).

Конечно, трудно предположить, что С. Миронюк «модерировал» выступление В. Путина (скорее уж, наоборот), однако слово *идентичность* неоднократно прозвучало и в речи президента, в которой оно оказывается одним из ключевых.

Вероятно, ключевые слова (или, по крайней мере, весьма близкие к этому статусу) в данном речевом акте В. Путина (если расположить их по степени убывания частотности) следующие: *национальный* и однокоренные — 27 употреблений; *идентичность* — 11 употреблений; *идеология* и производные — 10 употреблений; наконец, *идея* — 4 употребления. Каждое из них заслуживает особого рассмотрения, поскольку выступает в ранге ключевого. Следует иметь в виду, что «как субъективный лингвистический фактор текстообразования ключевые слова являются опорными „вехами“ в порождении и восприятии текста. Их выбор определяется авторской интенцией, творческим замыслом автора и связанной с этим коммуникативной стратегией текстового развертывания. Обычно ключевые единицы актуализируются автором, т. е. либо повторяются, либо отражают стратегию контраста или обманутого ожидания; иногда наблюдается совмещение разных типов выдвижения» [Болотнова 2006: 418].

Начнем с наиболее частотного из ключевых здесь слов — *национальный*. Оно употреблено в выступлении В. Путина в следующих сочетаниях: *наша национальная идентичность*; *наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения*; вопрос обретения и укрепления *национальной идентичности*... носит для России фундаментальный характер; Россия испытывает не только объективное давление на свою *национальную идентичность*, но и последствия *национальных катастроф* XX века, когда мы дважды пережили распад нашей государственности; новая *национальная идеология* (после 1991 г.); *отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности* (после 1991 г.); новая *национальная идея* не рождается и не развивается по рыночным правилам; стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету — неотъемлемая часть нашего *национального характера*; *идентичность, национальная идея* не могут быть навязаны сверху; синтез лучшего *национального опыта* и идеи; дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма <...в самом чистом значении этого слова>; слишком часто в *национальной истории* вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России; отрицаются (во многих евроатлантических странах) нравственные начала и любая традиционная *идентичность: национальная*, культурная и даже половая; попытки ... размыть институт международного права и *национального суверенитета*; в советское время... почти каждый маленький народ имел свое печатное издание, ... поддерживалась *национальная литература*; <наше государственное устройство> всегда стремилось гибко учитывать *национальную*, религиозную специфику тех или иных территорий; как политически, идеально, концептуально будет оформлена идеология *национального развития* — предмет для широких дискуссий; Солженицын говорил о сбережении народа после тяжелейшего XX века как о главной *национальной цели*; мы только немногого отступили от опасной черты утраты *национального потенциала*; упрочив свою *национальную самобытность*, укрепив свои корни, оставаясь открытыми и восприимчивыми к лучшим идеям и практикам Востока и Запада, мы должны и будем идти вперед.

Кроме того, по одному разу употреблены также и однокоренные слова: *нация* (в ре-

зультате <национальных катастроф XX века> получили разрушительный удар по культурному и духовному коду нации); многонациональный (Россия формировалась именно как многонациональное и многоконфессиональное государство); многонациональность (ставя под вопрос нашу многонациональность, ... мы встаем на путь уничтожения своего генетического кода); общенациональный (много зависит от учительского, преподавательского сообщества, которое было и остается важнейшим хранителем общенациональных ценностей, идей и установок^[1]); национально (только из эффективных механизмов самоуправления может вырасти настоящее гражданское общество^[2] и настоящая национально ориентированная элита^[3]). Напомним, что одной из важнейших новаций в дискурсе российских СМИ последних лет стала активная неупорядоченность (по всей вероятности, инспирированная и управляемая) употребления слов *нация*, *национальный* и родственных им. Несомненная эффективность этой серии вербально-манипулятивных операций во многом предрешается издавна нестрогой очерченностью семантики ряда лексем с заимствованным корнем *нац-* в русском языке. Попытка заключить названные термины в хотя бы более или менее жесткие рамки дефиниций имеют давнюю историю (подробнее см.: [Васильев 2013: 326—330 и др.]).

В советской лексикографии сложилась определенная традиция толкования многозначных слов с этим корнем: на протяжении десятилетий компоненты их семантической структуры выстраиваются, по существу, в одной и той же иерархической последовательности, без сколько-нибудь радикальных различий в дефинициях.

В обобщенном виде устоявшаяся схема выглядит таким образом. На первое место в статье слова *нация* выносится значение, согласно которому данное понятие подразумевает исторически сложившуюся общность людей, характеризуемую общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры (иначе говоря, чисто этническое понятие). На втором же месте находится значение «государство» (причем иногда — с пометой *перен.* или с пояснением: «в некоторых случаях»).

Вполне закономерно, что расположение частей словарных статей, посвященных производному от *нация* прилагательному *национальный*, в этих лексикографических изданиях во многом подобно иерархии значений производящего слова. Однако семан-

тика его деривата со значением «государственный» отнесена даже уже не ко второй, а к третьей по рангу позиции, что объясняется, вероятно, соответствующей степенью социальной востребованности каждого из значений. То же можно наблюдать и в словаре сочетаемости [Сл. сочетаемости 1983: 309]. Ср.: «национальный — относящийся к нации (статья, посвященная этому слову, в данном словаре отсутствует. — А. В.); связанный с отношениями между нациями. „Национальный экстремизм — это пережиток прошлого“ (1990), „Там <в Узбекистане> они ощущают свое единство, соборность. И чем острее конфликты с местным населением (?), тем ярче проявляется национальное самосознание русских“ (1993 г.). „Именно движимые национализмом политики принимают закон об ограничении иммиграции и защите национальной самобытности от посягательств извне и изнутри“ (1996 г.)» [ТССРЯ 2001: 499] (здесь отмечено также повышение употребительности слова *национальный* в указанном значении).

Однако в сегодняшнем российском публичном дискурсе (по-видимому, под воздействием американо-английских *a nation* и *national* соответственно) всё более уверенно укрепляется тенденция к контекстуально не дифференцированному использованию существительного *нация* и прилагательного *национальный*. Проявляется нарастающая семантическая диффузность. При этом заметно, что не бывшие ранее главными и основными для русского языка значения этих слов («государство» и «государственный») довольно уверенно выдвигаются в качестве доминирующих (причем настолько, что в относительно недалеком будущем это вполне сможет послужить основанием для перераспределения в лексикографии позиций компонентов иерархической структуры рассматриваемых слов).

В данном случае небезынтересно и весьма симптоматично, что во многих рече-коммуникативных ситуациях осмысление (конечно, когда оно действительно имеется) говорящими и пишущими значений слов *нация* и *национальный* либо малорезультативно, либо свидетельствует об углубляющемся (и одновременно — углубляемом) забвении их принадлежности к кругу собственно этнических понятий и укрепляющемуся восприятию как понятий сугубо этатических, очень слабо ассоциируемых с категориями этничности, а следовательно, и определенной ментальности.

О сегодняшней семантике (как можно заметить, довольно диффузной) и официозной прагматике существительного *идентич-*

ность выше уже было кратко сказано. В. Путин употребляет его в следующих сочетаниях и микроконтекстах: *наша национальная идентичность; вопрос обретения и укрепления национальной идентичности ... носит для России фундаментальный характер; Россия испытывает ... объективное давление глобализации на свою национальную идентичность; отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности; идентичность, национальная идея; наша идентичность; дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех ее участников; вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности; отрицаются <в евроатлантических странах> нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая; христианство, ислам, буддизм, иудаизм, другие религии — неотъемлемая часть идентичности и исторического наследия России; идентификация исключительно через этнос, религию в крупнейшем государстве с полигэтническим составом населения, безусловно, невозможна. Формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей <...> — необходимое условие сохранения единства страны.*

Вряд ли можно считать все эти формулировки абсолютно прозрачными в смысловом отношении. Адекватному их пониманию препятствует не только семантическая нечеткость слова *идентичность*: ведь, скажем, *российская идентичность* — это одно, а вот *традиционная идентичность*, с учетом последующей дешифровки, — это, по всей вероятности, нечто совсем другое. Тем более что, если принимать во внимание несомненную фантомность *россиян* (подробнее см.: [Васильев 2013: 404—415]), говорить о *российской идентичности* явно преждевременно. Понятно, что в этих обстоятельствах упоминание о столь же призрачной *гражданской идентичности* выступает чем-то вроде риторического «спасательного круга», впрочем, малоспособного в конечном счете прояснить окончательно содержание высказываний, в состав которых включено слово *идентичность*.

Впрочем, следует сказать и о том, что в первой части выступления В. Путина существует сочетание *национальное самоопределение (наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения)*, а буквально в последней фразе — *национальная самобытность (упрочив свою национальную са-*

мобытность, укрепив свои корни, оставаясь открытыми и восприимчивыми к лучшим идеям и практикам Востока и Запада, мы должны и будем идти вперед). Эти высказывания вроде бы позволяют более или менее точно установить, что именно под *а*зумевается под словом *идентичность*, однако и в таком случае сохраняется некая нечеткость восприятия. А она, как уже было сказано, обусловливается по крайней мере возможностью двойкой интерпретации семантики прилагательного *национальный*, поскольку адресантом может иметься в виду значение, ориентированное или традиционно-этнически (впрочем, кажется, к числу таких примеров в данном тексте можно отнести сравнительно немногочисленные, вроде *национальный характер, национальная литература*; может быть, также *национальная специфика территории*), или модернизированно-этатически — как во всех остальных случаях.

Особо стоит упомянуть о характере употребления слов *идея* и *идеология* в цитируемом тексте.

Не вдаваясь здесь в историю слова *идея* в русском языке, заметим, что и послесоветские годы (директивно и радикально «безыдейные» по сравнению с советской эпохой) оказались всё же, как ни парадоксально, довольно благодарным периодом для декларирования намерений новейшего идеетворчества. Это происходило, несмотря на фактическое табу, наложенное тогдашними ультраподемократами и квазилибералами (такую публику и ее взгляды называли «демшизой»); ср.: «...вот весьма характерное суждение по этому поводу, высказанное в 1992 г. тогдашним народным депутатом Верховного Совета России В. Л. Шейнисом: „Может ли в современной России существовать общенациональная идея? Я думаю, что не может. Общенациональная идея — это ... атрибут тоталитарного общества, как один из важных инструментов...“» [Шестаков 2005: 7]. Впрочем, затем торжество «демшизы», кажется, миновало, и под вывеской «национальной идеи» стали изобретать разного рода спекулятивные построения в изобилии почти неприличном (подробнее см.: [Васильев 2013: 148—151]). Есть некоторые основания полагать, что и вплоть до сего дня сколько-нибудь вразумительное для широких масс содержательное наполнение словосочетания «национальная идея» отсутствует.

В выступлении В. Путина существительное *идея* употребляется следующим образом: *отсутствие национальной идеи <после 1991 г., ... основанной на национальной идентичности>*, было выгодно той квази-

колониальной части элиты, которая предпочитала воровать и вывозить капиталы; новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам; идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху; необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи.

Казалось бы, с падением Советского Союза и стержневой для него коммунистической идеологии само существительное идеология должно было оказаться на периферии русской лексики и с течением времени уйти в пассивный запас. Тем более что, собственно, именно в таком направлении ориентировала сознание носителей русского языка поныне действующая Конституция РФ, ч. 2 ст. 13 которой декларирует: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». С большим размахом развернулись (конечно же, согласно верховным директивам) общественно-политические процессы промывания мозгов, которые могут быть обозначены как «деидеологизация — устранение из различных сфер общественной жизни влияния идеологии (обычно коммунистической)» [ТССРЯ 2001: 202].

Любопытно, однако, что почти одновременно с вымученным принятием основного закона государства частотность использования существительного идеология в дискурсе российских СМИ вновь становится довольно высокой. Но при этом — возможно, не только в силу известной инерции, но и речевых изысков официоза и не без иноязычного влияния — на месте доктринально ориентированных и ориентировавших атрибутивных лексем (вроде идеология марксистская, коммунистическая, прогрессивная, буржуазная и т. д. [Сл. сочетаемости 1983: 197]) оказываются номинации гораздо менее масштабных и стабильных, исторически сиюминутных и эфемерных разработок («проектов», по большей же части — откровенных прожектов), зачастую освященные именами высоких руководителей либо названиями их должностей. Привычными в официальном коммуникативном потоке становятся такие сочетания, как «идеология реструктуризации угольной отрасли», «идеология антикризисной программы правительства», «идеология северного завоза», «идеология краевого бюджета», «идеология развития», «идеология президента», «гайдаровская идеология», «идеология губернатора», «идеология ротации кадров», «идеология развития туризма» и мн. др. (см.: [Васильев 2013: 146—147]). Известны и случаи официозного использования существитель-

ного идеологии, по-своему в высшей степени замечательные. Ср.: «Закладываются основы идеологии нашего общества... Главным является не победа мировой революции, не всемирное братство трудящихся. Об этом сказал президент: „Главным является семья“» (Ю. Москвич, представитель президента в Красноярском крае) [ИКС. ВГТРК. 09. 04.1996] — трудно сказать, присутствовали ли в этой фразе ирония (по всей вероятности, не замеченная адресантом, так как неизвестна точная хронологическая приуроченность появления у существительного семья (Семья) <публ. и неодобр> значения «ближайшее окружение Б. Н. Ельцина, сформировавшееся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления»; для справки в процитированной словарной статье сообщается: «На Сицилии „семьей“ называют мафию» [ТССРЯ 2001: 715]).

Затем, по мере того, как вышеупомянутая «демшиза» всё более утрачивала властные рычаги, даже верховное руководство стало проникаться в общем-то здравой мыслью о том, что стране (по крайней мере, такой, как Россия) некая «национальная идея» всё-таки необходима — а следовательно, необходимо и наличие соответствующей идеологии. Ведь справедливо, что «явно парадоксальная ситуация, когда государство не может прямо назвать, определить систему ценностей, являющихся для него базовыми, основополагающими из-за нечетко прописанных в тексте Конституции РФ моментов, связанных с терминами государственная и господствующая идеология» [Арапова 2007: 9].

Следует отметить: это уже далеко не первый для современной России пример попыток конструирования новейшей идеологии; относительно недавно о своих успехах в этой области вещала и правящая партия (она же — «партия реальных дел»; впрочем, известны и ее вариативные номинации): это идеология стабильности и развития, постоянного творческого обновления без застоев и революций (из выступления Б. Грызлова от 21 ноября 2009 г.; кажется, в этой формулировке кроется некоторая внутренняя противоречивость).

Однако теперь всё более уверенно с высоких трибун говорится уже не о партийной, но именно национальной идеологии. Можно было бы сказать, что в данном случае происходит нечто вроде игры в слова: прилагательное государственный (государственная идеология) заменено на сделанное семантически равноценным национальный (национальная идеология) — ср. англ.

national ‘государственный’, — а посему, ко всеобщему глубокому удовлетворению, и буква конституции не нарушена, и господствующая идеология фактически устанавливается. Может быть, впрочем, последнее само по себе не так уж и плохо: в самом деле, без какой бы то ни было фундаментальной идеологии существование полноценного суверенного государства весьма сомнительно. Правда, пока еще не вполне понятна суть этой идеологии.

В выступлении В. Путина встречаем следующие контексты употребления слова **идеология** и его производных: *мы ушли от советской идеологии; после 1991 года была иллюзия, что новая национальная идеология, идеология развития, родится как бы сама по себе; прежняя, официозная (видимо, советская. — А. В.) идеология оставляла тяжелую оскомину; чтобы вопрос идеологии развития обязательно обсуждался среди людей разных взглядов; как политически, идеально, концептуально будет оформлена идеология национального развития — предмет для широких дискуссий... убежден, что в сердце нашей философии должно быть развитие человека, развитие моральное, интеллектуальное и физическое; идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической монополии; настоящее гражданское общество и настоящая национально ориентированная элита, включая, разумеется, и оппозицию с собственной идеологией; стремление к независимости, духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету; нельзя больше заниматься самообманом, вычеркивая неприглядные или идеологически неудобные страницы, разрывая связь поколений.* Можно заметить, что, судя по приведенным цитатам, в настоящий момент какой-либо национальной идеологии в России официально все-таки пока еще не существует: лишь предполагается, что она непременно должна возникнуть, причем в результате широких обсуждений и дискуссий, что само по себе уже является довольно дискуссионным, ведь обычно участники, а тем более ведущие («модераторы») подобных кампаний заранее известны; голоса же остальной массы соотечественников, как правило, если каким-то чудом и становятся слышны, то во внимание вряд ли принимаются, да и окончательные формулировки и решения принимаются совсем на другом уровне. Не вполне понятны и вероятные сроки реального достижения искошего результата. В самом деле, если процесс конструирования национальной идео-

логии находится в таком же исходном состоянии, что и лет двадцать тому назад, то следует ли ожидать его успешного финала в ближайшей перспективе?

Наконец, небезынтересно, для какой именно этнической либо, как с большей вероятностью можно предположить, социальной, т. е. этнически негомогенной общности создается идеология (ср. постоянные, чуть ли не назойливые напоминания о якобы «многонациональном» составе населения РФ, совершенно справедливые, с сугубо научной точки зрения, разве что для СССР, где русские представляли менее половины обитателей. Напомним, между прочим, что из русских преимущественно состоял тот социум, который обозначали официальным мифогеном *советский народ*; ср.: «русские, нация, основное население РСФСР. ...После Октябрьской революции в ходе социалистических преобразований Р. консолидировалась в социалистическую нацию и вместе с другими нациями и народностями СССР образовали новую историческую общность — советский народ» [СЭС 1983: 1144]; в то же время это издание ничего не сообщает о подобной «консолидации в социалистическую нацию» грузин, казахов, украинцев и прочих, с которыми, следовательно, такие метаморфозы не произошли. Кстати, судя по многим современным примерам, постулатам пресловутой толерантности склонны поучать почему-то только русских, за счет исконной терпимости которых как раз и сложилась Россия и сформировалась российская государственность, но не представителей других национальностей).

Итак, в анализируемом тексте встречаем следующие именования (этно)социумов: с необходимостью поиска новой стратегии и сохранения своей идентичности ... ставятся практически все страны, все народы: и **русский**, и европейские народы, и китайцы, и американцы...; **насколько граждане той или иной страны** чувствуют себя **единым народом**, насколько они укоренины в этой своей истории, в ценностях и традициях...; **<Россия> государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой; граждане России должны ощущать себя ответственными хозяевами своей страны...**; для **россиян**, для России вопросы „Кто мы?“, „Кем мы хотим быть?“ звучат в нашем обществе всё громче.

Пожалуй, вряд ли можно уверенно говорить о полной семантической конгруэнтности номинаций **россияне — русский народ — граждане страны — граждане России**. Первая из них — широко тиражируемая по край-

ней мере с 1994 г. попытка нивелирования по этатическому признаку (насколько известно, применяемая прежде всего и главным образом по отношению к этносу *русский народ*; вследствие упорных пропагандистских усилий многие из его представителей, кажется, всерьез причисляют себя к мифической общности *россиян*, в конечном счете столь же фантастичной, как и былой *советский народ* — см.: [Васильев 2013: 404—405]). Вторая обозначает хотя и большую, притом государствообразующую, но все же лишь часть населения РФ. Вполне адекватными применительно к предмету высказывания можно считать лишь номинации *граждане страны и граждане России*.

Как справедливо замечено, «слово государево и есть его подлинное Дело» [Лисицына 2002: 24]. Действительно, высказывания высокого государственного руководителя традиционно призваны стимулировать подвластный ему социум для решения тех или иных конкретных задач, в свою очередь направленных на достижение какой-либо особо значимой цели. Иначе говоря, эти высказывания способны буквально воплощаться, материализоваться, свершаться в инспирируемых таким образом поступках членов социума.

Вероятно, поэтому слова, используемые в таких речекоммуникативных актах (к тому же широко транслируемых средствами массовой информации), должны быть семантически прозрачными для множества подданных носителей языка. Однако, как уже неоднократно отмечалось исследователями, современный российский официоз, пожалуй, уже далеко превзошел своего предшественника — тематически ориентированный фрагмент русского лексикона советской эпохи (упорно именуемый некоторыми авторами «советским новоязом») — по степени семантической диффузности многих отдельных лексем — вплоть до полной элиминации их понятийного наполнения. Эти процессы усугубляются непомерным использованием заимствований из других языков, в первую очередь английского, включая и семантические кальки. В результате насыщенные подобными речевыми феноменами высказывания топ-менеджеров вряд ли способны мобилизовать кого-либо на что-либо (за исключением, может быть, таких слоев российских трудящихся, как чиновничество и депутатский корпус, которые должным образом понаторели в официозной словесной эквилибристике — «партийном речекряке» [Оруэлл 1989: 53] — для улавливания руководящих векторов и хотя бы внешнего корректирования в соответствии с ними своей подвижнической деятельности). Следовательно, упо-

мянущие речекоммуникативные акты заведомо оказываются малоэффективными (совсем другой вопрос, замышлял ли их адресант как реально резонансные или же планировал произвести определенный регламентом словесный поток, слабо связанный с существующим положением дел).

Впрочем, менее всего автору настоящей статьи хотелось бы опускаться до позиций непродуктивного критиканства, тем более что основные, безусловно справедливые положения выступления В. Путина не могут не вызывать симпатий у любого сколько-нибудь здравомыслящего гражданина России. По-видимому, многое в интерпретации данного текста зависит не только от анализа семантики ключевых слов (хотя надеемся, что и представленные здесь изыскания тоже небесполезны). Вероятно, следует учитывать и ряд следующих сопряженных обстоятельств. Во-первых, как можно предположить, интенции президента в значительной части оформлялись усилиями его спичрайтеров (попросту говоря, речеписцев), речевой узус которых нивелирован под некий общий знаменатель, т. е. послесоветский российский официоз, во многом, однако, сохраняющий родовые черты официоза советского, что допустимо считать лингвистически и социокультурно совершенно закономерным. Во-вторых, необходимо принять во внимание состав аудитории, к которой президент непосредственно адресовался на Валдае: это преимущественно действующие либо отставные западные политические деятели, а также более 200 так называемых экспертов (по словам С. Миронюка, «интеллектуалов, политических, общественных и духовных лидеров из более чем 30 стран мира»), т. е. тех персонажей, которые, в силу рода своих занятий, давно и прочно овладели риторикой, воспроизведенной в высказывании президента (а потому по инерции и традиции считаются в нашем отечестве чрезвычайно компетентными чуть ли не во всех областях деятельности). Собственно, во многом это международное речевое нивелирование является чем-то вроде общего знаменателя, или индикатора, характеризующего вербальные коммуникативные акты представителей самых разных государств и образующего некое подобие интернационального политического сленга.

P. S. В телепередаче «Euronews» (12.01.2014) активно обсуждался вопрос о так называемом «еврояargonе», принятом в качестве официального средства публичного общения должностными лицами различных международных европейских организаций. Из высказываний участников следует, что

«еврожаргон» основывается прежде всего на элементах и конструкциях английского языка, причем нарочито и чрезвычайно упрощенное, не способного передавать более или менее тонкие коннотативные оттенки вербальных обозначений и к тому же нивелированного, т. е. насыщенного устойчивыми словосочетаниями-штампами и гиперонимизирующими словами, применяемыми по отношению к стандартным, или, точнее, к стандартизируемым ситуациям. Так, по суждению Дорис Пак, «за что бы вы ни брались — медицина, образование и т. п., всё равно в любом случае употребляете слово „миссия“... Изменения в Европе сопряжены с изменениями в языке». По мнению Диего Марани, евроновникам следовало бы выучить минимум по два языка; кроме того, «когда ваши мысли ясны, ясной будет и ваша речь». Деннис Эббот полагает, что в 2010 г. в ЕС наметился отход от гегемонии английского и, несмотря на распространение «еврожаргона», всегда есть возможность выразить свои мысли ясно. Любопытно, между прочим, что участники передачи были единодушны в оценке критерии речевой коммуникации с избирателями, общаясь с которыми, оказывается, следует говорить «просто и внятно и называть вещи своими именами».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Далее буквально: «...это сообщество говорит на одном языке — языке науки, знания, воспитания. И это на огромной территории — от Калининграда до Владивостока (уж не русский ли это язык? — A. B.). И уже тем самым это сообщество, имея в виду учительское, преподавательское сообщество в целом, в широком смысле слова, скрепляет страну» — вспомним суждение В. Путина в его послании Федеральному собранию от 12 декабря 2012 г. о дефиците «духовных скреп» в российском обществе, т. е. «милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи» (впрочем, при существующем социально-имущественном расслоении всё это весьма проблематично).

[2]. До сих пор неизвестны более или менее внятные дефиниции пропагандистского штампа *гражданское общество*, что (впрочем, как и в других случаях) совершенно не мешает его широкому тиражированию. Ср., например, одно из лексикографических толкований: «*гражданское общество* Δ состоящее из свободных и равноправных граждан, отношения между которыми в сфере экономики, культуры развиваются независимо от государственной власти» [ТССРЯ 2001: 186] (здесь оно отмечено как устойчивое сочетание) — хотя чрезвычайно затруднительно представить себе его реальное существование,

пусть и в более или менее обозримой перспективе, где-либо, в частности и в особенности в России.

[3]. О современной семантике и pragmatike слова элита подробнее см.: [Васильев 2013: 447—459].

ИСТОЧНИКИ

1. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России : сайт. 2013. 19 сент. URL: <http://kremlin.ru/news/19243>.

ЛИТЕРАТУРА

2. Арапова М. А. Мигранты и идеологическое пространство российского общества // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2007. С. 8—9.
3. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1986. С. 297—325.
4. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. — Томск, 2006.
5. Васильев А. Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. — СПб. : Златоуст, 2013.
6. Лисицына Т. А. Язык реформ и реформа языка: приоритеты интеллектуального развития // Язык образования и образование языка. — Великий Новгород, 2002. С. 21—27.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — М., 1996.
8. Мюллер В. К. (сост.). Англо-русский словарь. — М., 1956.
9. Оруэлл Дж. 1984 // «1984» и эссе разных лет / Дж. Оруэлл. — М., 1989. С. 22—220.
10. Потебня А. А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. — М., 1976а. С. 35—220.
11. Потебня А. А. Язык и народность // Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. — М., 1976б. С. 253—285.
12. Словарь иностранных слов = СИС. — М., 1979.
13. Словарь русского языка = МАС₂ : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. — М. : Русский язык, 1981.
14. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. Изд. 2-е, испр. — М., 1983.
15. Советский энциклопедический словарь = СЭС. 2-е изд. — М., 1983.
16. Суспицына И. Н. Толерантность «в верхах» и «в низах» // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России. — Екатеринбург, 2007. — С. 71—73.
17. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия = ТССРЯ / под ред. Г. Н. Скляревской. — М., 2001.
18. Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста. 2-е изд. — Л., 1984.
19. Шестаков С. А. Российский консерватизм: история и современность. — Тюмень, 2005.
20. Hornby A. C. Oxford Student's Dictionary of Current English. — М., 1984.